

А. А. ПРИГАРИН
(Одесса, Украина)

ЖИЛИЩЕ И ЕГО МЕСТО В СТРУКТУРЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ И ОБРЯДОВЫХ ПРАКТИК ЛИПОВАН НА ДУНАЕ

Среди разнообразного населения Придунавья особое место занимает этноконфессиональная группа русских старообрядцев, так называемых «липован». Сейчас к этой общности принадлежит больше чем 100 тыс. человек в сельских анклавах и городах на территории Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии. Формирование данной субгруппы русского народа проходило в районах современного расселения (Добруджа, Буковина, Бессарабия) на протяжении XVIII — первой трети XIX столетий. В генетических процессах принимали участие приверженцы старой «дониконновской» веры, которые обособились от основного этнического массива. Среди них можно выделить организованные группы донских казаков (некрасовцев) и стихийное крестьянско-мещанское население из южных и центральных районов России (региональные исторические названия: филипоны или липоване). Если первые переселялись в понизовье Дуная через Кубань и, частично, Анатолию, то вторые — через Полесье (Ветковско-Стародубские общины) и Подолье.

Консолидация в середине группы продолжалась весь XIX и первую половину XX в., несмотря на значимые факторы, которые ей препятствовали. Например, конфессиональную и ареальную неоднородность самых липован или частые изменения политико-административных границ в местах их проживания и т. п. Важно также отметить постоянные миграции: рост группы за счет новых выходцев из России сочетался с не менее постоянным возвращением их частей в пределы Российской империи и СССР (укажем лишь наиболее массовые «выходки» 1830-х, 1860-х, 1910-х и 1940-х гг.).

Одновременное действие этнических и религиозных факторов не только определило историю группы, но и обусловило самобытность культурно-бытовых традиций липован. Специфика дейст-

вия этих факторов заключается в том, что они не только взаимодополняли, но порой и заменяли друг друга. Например, «церковная одежда», бытующая и по настоящий момент, является не чем другим, как комплексом русского народного костюма, причем в его южно-русских вариантах. Таким образом, знак этнической принадлежности воспринимается как конфессиональный канон.

В целом, можно говорить об уникальности традиционной культуры липован. Несмотря на активное межэтническое взаимодействие с окружающим населением, липованская группа сформировала новые и сохранила прежние специфические культурно-бытовые традиции. Попробуем это продемонстрировать на примере домостроительного комплекса.

Эволюция народной архитектуры липован отражена в широком круге источников XIX—XX вв. Вместе с тем, традиционное жилище липован выступало объектом и специальных этнографических исследований. Материалы, уже введенные в научный оборот, показывают функционирование разнообразных типов жилых построек на уровне отдельных исторических анклавов и районов проживания липован. Например, исследования Ц. Романской в с. Казашко (Болгария), В. А. Липинской в старообрядческих селах и городах Румынии, Л. Н. Чижиковой, В. И. Наулко и автора данной публикации среди липован украинского Придунавья [Романска 1960, 563—589; Липинская 1998, 283—330; Чижикова 1979, 12—74; 1979а, 11—82; Наулко 1975; Пригарин 1997, 36—43; 2000, 31—33].

Историографический опыт изучения жилища липован на уровне отдельных регионов позволяет сделать некоторые обобщения. Их концептуальной проекцией выступает понятие «выразительность народной архитектуры», под которой предлагается понимать специфические комплексы и элементы домостроительного опыта, которые отражаются в различных вариантах сравнений с аналогичными традициями [Косміна 1994, 236—237; Пригарин 1998]. Так, например, если сопоставить липованскую архитектуру с домостроительным опытом славян в целом, то возможно установить древнее происхождение реалии (или *метаэтнической* уровень выразительности — в нашем понимании). В срав-

нении с жилищем русских других историко-этнографических районов прослеживаются как бытование и устойчивость общих традиционных элементов, так и самобытность липованских (*этнический* уровень — общерусский). Привлечение аналогий из практики соседнего населения регионов Бессарабии, Буковины и Добруджи позволяет говорить о выделении общих с другими техник (*региональный* и *локальные* уровни), а также отличительных (*субэтнический* или *этноконфессиональный* уровни). Таким образом, выразительность понимается как синоним уникальности, своеобразия и т. п. в том или ином конкретном контексте уровня сравнения. Нередко речь будет идти не столько о материальном воплощении, сколько о восприятии этих элементов носителями липованского варианта русской культуры.

Основными источниками для написания работы послужили полевые материалы, собранные автором во время экспедиционных поездок 1996—2008 гг. в следующие анклавы липован:

— город Измаил, села Старая Некрасовка, Новая Некрасовка, Муравлёвка Измаильского р-на; города Вилково и Килия, села Приморское, Васильевка, Мирное Килийского р-на Одесской области Украины [ф. 3, дд. 1—9];

— села Сарыкей, Журиловка, Слава Русская и Слава Черкесская Гульчинской округи (жудец — рум.); село Каркалиу (Камень) Браиловской округи Румынии [ф. 5, дд. 1—5];

— село Казашко Варненской обл. и село Айдемир (квартал — Татарница) Силистренской обл. Болгарии [ф. 6, дд. 1—2].

В результате, оригинальные полевые материалы (дневники, записи интервью, фотографии, рисунки и чертежи) переданы на хранение в фонды лаборатории археологии и этнографии Степной Украины Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (далее — ЛАЭСУ).

Строительные приемы и конструкции

Основой жилого традиционного дома у липован являлось глинобитное уплотнение нижней части стены, которое выступало на некоторое расстояние снаружи (*паташок*, *подташок* — украинская

группа сел; *поветка*, *завалинка* — румынская и болгарская). Такая основа была и в каркасных, и в глинобитных домах вне зависимости от местожительства.

Основу жилья делали таким образом: предварительно выкопанные по всему периметру рвы заполнялись смесью глины с полóвой (*чамур*), а потом продолжали на высоту до 0,5—0,8 м над уровнем земли. Эту смесь укладывали комьями, уплотняя его специальными деревянными *трамбовками*.

При каркасном способе строительства стен вертикальные столбы закапывали в грунт и уже вокруг них возводили своеобразный «фундамент». При вальковых стенах — для прочности по углам могли класть большие камни или же камнями заполняли ров по всему периметру будущего дома. С середины XX в. традиционная основа вытесняется современным каменно-бетонным фундаментом. До этого времени фундамент из камня встречался довольно редко и факт его наличия воспринимался как признак зажиточности хозяина.

В дельте Дуная, где липоване проживают на многочисленных островах, в непосредственной близости от воды, сложился самобытный вариант — сваечное жилище (Вилково, Сулина, Переправа, Сфиштовка и др.). Тут дом строили обязательно на сваях (*подчалах*), вокруг которых насыпали песок и камни (*ракуша*), оплетали лозой и камышом, обмазывали илом из Дуная, смешанным с рубленой соломой (*жен*) [Бахталовский 1882, 1126]. Почти без изменений такая техника просуществовала до 1970-х гг.

Как правило, в липованском доме пол был глинобитным. Его подновляли (*подмазывали*) два раза в год — перед Пасхой и Димитрием. В зажиточных хозяйствах с середины XIX столетия стали делать дощатый пол. Половицы укладывались поперек, в чем исследователи были склонны видеть сохранение этнических традиций [Липинская 1998, 317]. Источники конца XIX в. отмечали наличие деревянного пола в качестве характерной особенности жилища липован и немцев в Буджаке [Бахталовский 1882, 1127].

Стены. Известно, что на ранних этапах липоване и некрасовцы строили деревянные рубленые избы. Бытование такого типа жилья фиксируется ис-

точниками начала XIX в. В частности, отмечаются не только факты строительства старообрядцами таких домов, но и частые случаи их перевозки при переселении в 1830-х гг. на левый берег Дуная, на российскую территорию Бессарабии [ИА, ф. 51, оп. 1, д. 18, лл. 233—238 об.]. Для нас этот момент значим, поскольку свидетельствует о стремлении сохранить домостроительный опыт, усвоенный в прежних местах проживания. Однако в условиях дефицита строительного леса в регионе старообрядцы в скором времени вынуждены были отказаться от такой конструкции. Переход на местные материалы проходил на протяжении всего XIX столетия. Часть липован, которая переселилась в лесные районы Буковины в конце XVIII — начале XIX в., сохранила рубленые дома вплоть до начала XX в. [Dan 1894, 6—8; Kaindl 1896, 73—74; 1898; Polek 1899, 20—22; Siminowicz-Staufe 1884, 95—98; Грябан, Чучко 2008, 171—173]. Показательно, что в памяти старожилов с. Татарица (Болгария) сохранились воспоминания о том, что в центре села до 1950-х гг. находилась «деревянная хата деда Василия», которая считалась не только древней, но и «настоящей русской», а ее хозяин — «богатым» (Зап. от Каракудова Семена Александровича, русского, 1921 г. р., с. Татарица [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 2]).

Развитие домостроительства липован на Дунае в XIX — середине XX вв. пошло по пути адаптации к местным условиям. В их опыт устойчиво входят два основных технологических способа возведения стен.

Первый из них — каркасный. Его присутствие фиксируется как письменными источниками, например [Свиньин 1867, 191—192], так и полевыми материалами — в ряде сел нам приходилось описывать такие реликтовые формы жилища: Старая Некрасовка, Приморское, Сарыкей и др. [ЛАЭСУ, ф. 3, дд. 1 и 4; ф. 5, д. 1]. Этот вариант также был связан с предыдущей родиной, а именно — аналогичная технология хорошо известна в юго-восточных районах России [Ганцкая 1967, 174—175]. Подобная же техника была распространена и среди других этнических групп региона — украинцев, молдаван, румын, болгар, гагаузов и албанцев [Традиционное жилище 1997, 164, 176, 181—182; Пригарин 1997а, 94; Кушнир 2002, 54—55;

Добруджа 1974, 255—257; Rââu 2001, 12].

Каркас таких стен составляют вертикальные столбы (*сохи*). Их оплетали лозой или камышом. Для прочности крепили вертикальные деревянные рейки (*власы*). Извне и изнутри такие стены обмазывались глиной (*чамуром*). Сами липоване такие дома и технологию их строительства на момент наших исследований хорошо помнили и называли их *плетеные дома* (с. Вилково и Приморское Килийского р-на, Старая и Новая Некрасовка, Муравлёвка Измаильского р-на Одесской обл.; с. Сарыкей, Журиловка, Слава Руссэ Тульчинского уезда Румынии; с. Татарица Силистренской области Болгарии). «У Дяурова — плетеный дом был, из лозы, рогозы — две хаты, сенцы, две кухни и отдельно — баня и коморка» (Зап. от Каракудова Семена Александровича, [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 2]).

Второй традиционный способ — вальковый. Строительство из сформированной глины или ее смеси с полóвой было широко известно среди народов степной части Евразии. Скорее всего, липоване восприняли эту технологию от своих соседей по региону. При этом способе из *чамура* или *замеса* формировались круглые *вальки*, а уже из них сразу же выкладывали стены. Начиная с 1900-х гг. вальки вытесняются необожженным сырковым кирпичом (*лампач, пац, саман, кирпич*). Особенностью этой инновационной формы было изготовление материала в два этапа: сначала готовили кирпичи, а через некоторое время из просушенного кирпича возводили стены.

Во время изготовления *чамура* и работы с ним в любых формах (*вальки, саман, обмазка* и т. п.) среди липован, как и у многих народов степной полосы Евразии, бытовал обычай бесплатной помощи со стороны родственников и соседей. Зафиксированы разные варианты названия для такой взаимопомощи. Этнически специфические и архаические — в селах с каркасным способом строительства: *помочь, помощь, толока*. В большинстве сел бытуют следующие названия для такой операции: *валять вальки, на замес, на чамур, чамуроваться, на лампач, на потолок* и т. п. Эти наименования имеют прямые аналогии с соответствующими в практике других этно-

культурных групп региона (ср.: *на чамур*, *клака* — у болгар, молдаван и украинцев; *валать топки* — у болгар и т. д.). Еще один характерный момент — если среди других групп русских, приверженцев никонианской церкви, в Буджаке чаще фиксируется название *клака* (от молдавского *colloca*) [Попович 1972, 37—44], то в среде липован оно получило незначительное распространение [Словарь говоров 2001, т. 1, 260; т. 2, 222].

Хозяин приглашал родственников и соседей на выходные дни, кроме воскресенья и религиозных праздников. Мужчины замешивали *чамур* (чаще всего с помощью коней), а женщины формировали из него вальки, кирпич-сырец или обмазывали смесью стены, потолок. Таким образом, соблюдалась гендерная трудовая специализация. Выкладку стен поручали опытному человеку. Следует отметить, что начинали работать только после коллективной молитвы и нередко после благословения священника. Хозяева обязательно кормили и поили помощников, при этом мужчины и женщины обедали порознь.

За один раз выгоняли 6—8 рядов из вальков. Затем стенам давали просохнуть и операцию повторяли вновь. Существовал даже самобытный вариант определения размера жилища — *на четиры чамура*.

Потом стены обмазывали трижды снаружи и в середине. Начинали липованки всегда изнутри, из будущего красного угла («Там, где образ будет стоять», — не раз поясняли мастерицы).

Поверх обмазки стены белились известью. Обычай побелки стен исследователи считают заимствованием из украинно-молдавского опыта, который прочно вошел в практику липован [Традиционное жилище 1997, 364]. По традиции, дом белился дважды в год — хозяйка дом подновляла к Пасхе и к Покровам. Среди липованского населения Украины существовало даже специальное слово «*кипневый*» — цвет свежепобеленной стены (от *кипень* ‘белая пена от кипения’ [Даль 1981, 109]). А для старообрядцев Болгарии был характерен обычай перебеливать дом, если в нем побывал иноверец («*Дак он-то курит али не — нам не ведомо*», — уточняла мотив операции Агафья Ивановна Федосеева 1930 г. р., с. Казашко [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 1]).

Деревянные детали (окна, дверь, наличники, матицу, балки и т. п.) выкрашивали в пастельные тона: бежевый, зеленый, голубой. Вместе с белым цветом стен это составляло нарядный и эстетически выдержанный ансамбль.

Потолок. Его основой являлась балка (*матица*, *матка*), которая утратила характерное для русских поперечное расположение. Продольная потолочная балка или устанавливалась на *сохах*, или крепились на верхней деревянной обвязке стен (*мурлаты*). Поперек же укладывались балки поменьше (*слижи* в терминологии украинских липован; *потолочины* — румынских и болгарских). Поверх балок настилали плетеный камыш в парках (*лясы*). Затем вся конструкция обмазывалась *чамуром*. Потолок, как и стены, нередко делали при помощи родственников и соседей (*на потолок*, *потолочить* и т. п.).

Крыша (*крыша*, *дах*, *стреха*). У липован Придунавья зафиксированы разные варианты стропильной конструкции крыши. К деревянной верхней обвязке стен (*мурлаты* — из немецкого *maurlat*), к вертикальным столбам стен (*сохи*) или к потолочным балкам крепились стропила (*кроквы*, *кроквины*). На них вдоль крыши набивались рейки (*латы*) для материала перекрытия.

В липованских поселениях Болгарии стропила поддерживались вертикальными столбами (*попы*), которые шли от стыков стропил к матице. В бывших некрасовских селах украинского Буджака (Старой Некрасовке и Муравлёвке) стропила скрепляла коньковая балка (*бантин*). В первом случае мы можем проследить заимствование из домостроительного опыта болгар, а вот во втором — сохранение достаточно архаической традиции.

В двухскатных крышах торец закрывали камышовым или деревянным фронтоном (*фрайтон*, *лысина*). Камышовые плетеные фронтоны существовали вплоть до середины XX столетия, а для тыльного торца и хозяйственных построек они нередки и поныне. Более характерными со стороны улицы были деревянные фронтоны, зашитые вертикальными досками с ажурным, орнаментально насыщенным окошком на чердаке.

Традиционным материалом перекрытия крыши у липован Придунавья

был камыш (*напур*). Его стлали на крышу или небольшими снопами (*парки, лясы*) и затем ровняли и подбивали, или просто рассыпали по всей поверхности крыши (*внатруску*). Второй вариант более примитивный и менее долговечный. Укладка крыши снопами нередко имела названия «*по-немецки*», «*чешуйками*» и т. п. Как локальный вариант среди украинских липован существовал обычай делать перекрытия хозяйственных зданий из высушенных стеблей кукурузы.

С конца XIX столетия как материал перекрытия в липованских селах Придунавья все чаще начинали использовать круглую или плоскую черепицу. Эти традиционные материалы вытесняются уже с середины XX столетия современными (шифер, оцинкованное железо и т. п.).

Следует отметить, что в домостроении липован Подунавья доминировали допрофессиональные способы. Они не требовали серьезного уровня специальных знаний, и любой липованской семье по силам было построить себе жилье самостоятельно. Исключение составляли лишь столярные работы и перекрытие крыши. Эти виды работ обычно поручали мастерам.

Кроме того, в Придунавье липоване прославились как строители, плотники, каменщики и их нередко приглашали в соседние украинские, молдавские и другие села. В то же время часть некрасовцев в Малой Азии, наоборот, для строительства нанимали турок, требуя от них сохранения донских традиций («*шоб как на Доночку*») [Абрамова 1988, 75]. Примечательно, что и в Казашке, где частично проживают потомки некрасовцев с о. Мада, нам также указывали, что для возведения дома чаще обращались к услугам местных болгарских мастеров.

Архитектурная композиция. Для жилого комплекса липован менее характерно, чем для соседних этнических групп регионов Буджака и Добруджи, использование открытого пространства двора. Хотя галереи вдоль фасадных стен (*поветка*) и крыльцо составляют необходимый и довольно яркий элемент липованского дома XX столетия, однако этот результат приспособления к местным природно-климатическим условиям проявляется относительно поздно (не ранее конца XIX в.) и уже

с середины XX в. массово заменяется застекленными верандами.

Липованская «хата» — это жилое сооружение, которое расположено перпендикулярно к улице, основным фасадом во двор в южном или восточном направлении. Торцевой фасад (*причелок*), как правило, ставился непосредственно на «красную линию» застройки улицы, иногда — за небольшим палисадником. Такая социально-экологическая ориентация сохраняет характерные особенности южнорусских ареалов [Ганцкая, Лебедева, Парникова 1960, 186—187; Ганцкая, Лебедева, Чижикова 1960, 16—17]. Нам удалось зафиксировать также и возможные реликты «донской» композиции — дома, расположенные фасадами вдоль улицы (Мирное, Приморское, Новая Некрасовка, Татарлица и др. [ЛИАЭСУ, ф. 3, дд. 1, 2 и 5; ф. 4, д. 2]).

Такая композиция обусловила то, что основные репрезентативные функции внешнего вида дома перешли от фасада на торцевую стену (*причелок*), которая, как и фасад, со стороны двора обязательно белилась. Тыльные стены оставались лишь обмазанными. Белоголубые поверхности обозначали жилое пространство так же, как и на основных историко-этнографических территориях русских. Позднее, при новейших технологиях (*шуба* — штукатурка, обкладка камнем или кирпичами стен) нередко сохраняется традиционная структура — штукатурят сначала лишь фасадную и боковую к улице стены.

Как локальный вариант был выявлен обычай украшать боковую стену деревянными досками со сложным орнаментом (с. Журиловка, Русская Слава и Черкесская Слава Тульчинского и Каркалиу Браиловского уездов Румынии). При таком варианте четко прослеживается аналогия с рублеными избами — наличники, пилястры, фриз и другие мелкие детали составляют впечатление функционально-эстетических элементов русского деревянного дома.

Глинобитная основа дома (*завалинка, падташок*) значительно выступала (до 0,5—0,7 м) за основную площадь стен. Этот цоколь красился в черный или темно-коричневые цвета.

Такой архитектурный компонент присутствует и у соседнего украинского (*призьба*), молдавского и гагаузского

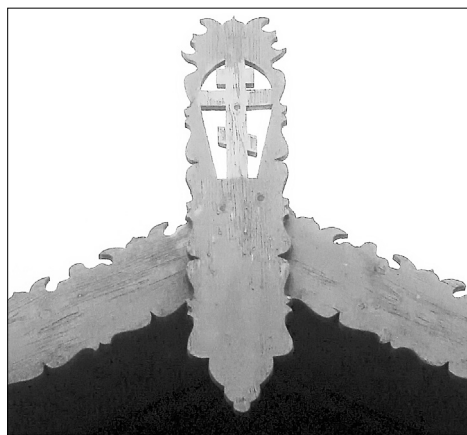
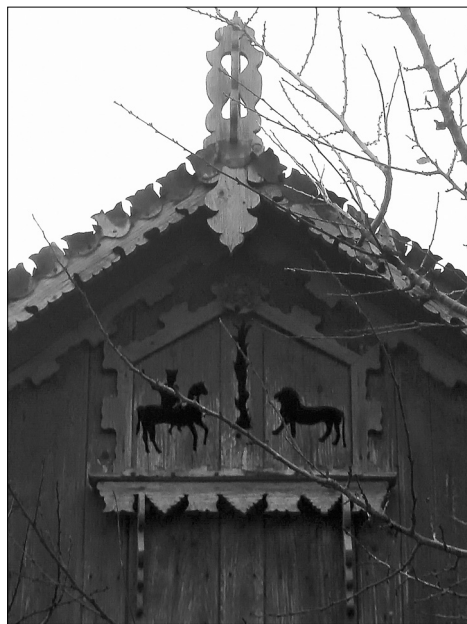
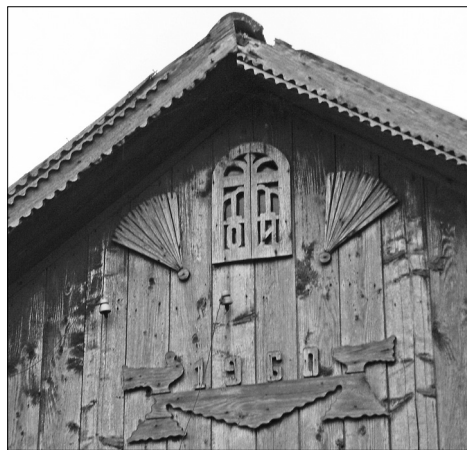
(сундурма), румынского (*prispă*) и болгарского (*спусок*) населения. Своеобразием липованского дома стоит считать объединение такой «завалинки» с деревянной галереей и крыльцом. Особенно ярко это зафиксировано для ряда старобрядческих сел в Румынии и Болгарии, т. е. в южной зоне проживания. В этих анклавах для всей композиции существовало специальное название «*поветка*» или по-румынски *маркиза* (*markiza*). Следует отметить генетическое родство с донскими домами с *белясинами*, хотя имеются и синхронные аналогии в местных домостроительных традициях [Pââu 2001, 65].

В тех селах, где фиксируется развитая композиция галереи, доминировал традиционный тип четырехскатной крыши. А в украинских поселениях липован, — двух- и трехскатные. Своеобразие последнего типа крыши связано с региональной композицией крестьянского двора — объединение под одной крышей жилого дома и хозяйственных построек. Двухскатная крыша над передней частью такой связи переходит в конце над последним помещением в скат-навес, который доходит почти до уровня грунта. Показательно, что аналогичный навес, но над тыльной стеной, существовал в четырехскатных крышах липован Болгарии (*складовка* — с. Казашко, Татарица).

В южной группе сел с начала XX столетия на смену четырехскатным крышам постепенно приходит двухскатная. Дом с таким типом крыши старожилы называли *хатой с лысиной* (болгарская и румынская Добруджа).

Для деревянных частей галерей (колонны, балки, калитки, изгороди), как и для деревянных фронтонов, характерно разнообразие резьбы. Наиболее насыщенные сюжеты концентрировались на капителях, чердачных окошках и на коньках. Чаще всего эти украшения содержат геометрические, солярно-хтонические, растительные и зооморфные орнаменты. К характерным идеограммам относятся парные конеподобные завершения реберных балок крыши, стилизованные цветы и деревья на коньках, парные звери-птицы (куницы с крыльями), липованский восьмиконечный крест и т. п.

Такой вид резьбы имеет свои аналогии в народной архитектуре основных

Примеры украшения фронтона здания у липован в сёлах Муравлёвка, Приморское, Сарыкей, 2003—2008 гг. Фото автора

русских этнических территорий, а также других этнических групп Бессарабии и Добруджи (молдаван, украинцев, болгар и т. д.). В структуре символов и знаков четко прослеживается вертикальная симметричность и три уровня расположения орнамента. Возможно, что это некая трансляция древнего мировоззрения, когда эти три уровня соответствовали подземному миру, земному (человеческому) и небесному. И отдельные сюжеты-символы, и композиция в целом, возможно, выступает одним из дериватов пространственно-временной мировоззренческой модели, архетипа — так называемого «мирового дерева» [Топоров 1980; Златковская 1976, 25—40]. Безусловно, что некогда значимые символические функции вытесняются, а эстетические продолжают сохранять архаическую форму.

Еще одним элементом с повышенной знаковой нагрузкой являлись окна и дверь. Вход с южного или восточного фасада, со стороны двора, обрамлялся крыльцом. Особенностью липованского жилища было обязательное наличие над дверью иконки или креста. Как правило, это были покупные изделия мелкой медной пластики, изготовленные в многочисленных мастерских России и привезенные в регион «офенями». Обычай тесно был связан с ритуальной практикой старообрядцев — заходя в дом трижды креститься. Можно предположить, что христианские символы имели и древние охранительные функции. На подобное предположение нас наталкивает тот факт, что чаще всего это были образки с Богородицей или святыми (особым уважением пользовался Никола Угодник). Своих христианских «покровителей» дом получал при освящении. И, что крайне примечательно, при переходе дома к новым хозяевам они оставались в нем.

В отдельных поселениях липован Добруджи раньше существовали также приемы художественного оформления торцевой стены, деревянных деталей дома масляной росписью [Липинская 1998, 317].

Окна традиционно располагались следующим образом: одно-два на торцевой стене, к улице (если одно, то оно находилось ближе к передней стене дома); два-четыре на фасаде, из комнат.

34 Небольшое окошко с конца XIX сто-

летия стали делать в сенях, с тыльной стороны дома.

В липованских селах Румынии нередко на торцевом фасаде, выходящем на улицу, было три окна. Подобная практика имела свои прямые аналогии в городской архитектуре России. Возможно, сохранение композиции дома на три фасадных окна является примером повторения опыта, усвоенного в прежних местах проживания.

Пространственная структура и интерьер. Как мы уже отмечали, в жилом комплексе липован закрытое пространство (помещения в доме) доминирует над открытым (в отличие от других народов региона слабо используется территория двора). Большинство жилых, бытовых и хозяйственных функций распределялось между внутренними помещениями хаты и другими сооружениями усадьбы. В традиционной архитектуре липован оказывается региональная тенденция включения в жилое пространство кроме, собственно, жилого дома (*хата*) также и кухни (*толкушка*) — одно- или двухкамерной отдельной постройки. Она, в первую очередь, выполняла хозяйственно-бытовые функции, но в некоторых случаях (проживание в одной усадьбе нескольких семей, экономичность для малообеспеченных) выполняла роль дополнительного жилища.

Для традиционного жилища липован второй половины XIX — первой половины XX вв. двух- или трехкамерная планировка, как свидетельствуют наши полевые материалы, существовала как исключение. Первый из вариантов встречался в виде кухни (*толкучка* или *вукатария* (от рум. *bukatriya*)). Ее интерьер сохранял восточнославянские характерные особенности. Тот, кто входил со двора, попадал в сени (*сенцы*), в которых располагалось множество полок, крюков, ниш и т. п. для хранения продуктов. Окон в сенцах не было, их освещал проем входной двери. Другая дверь вела в жилое помещение (*толкушка*). В ней до трети площади занимала «варистая» печь с плитой. Устье печи располагалось или в направлении фасадной стены, или выводилось в сени. По диагонали от печи, между двумя окнами — *красный угол* или *божничка* (иконы). Возле него — стол, сундук, вдоль стен — лавы или деревянные диваны (*канакки*). Сразу за печью — деревянный настил, кровать.

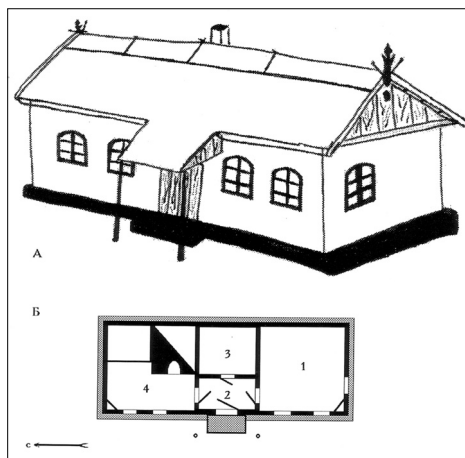
Бытовал и более архаический вариант планировки. В качестве реликтов фиксировались однокамерные кухни без сеней.

В трехкамерном липованском доме была сходная планировка. Здесь к сеням добавлялось еще одно помещение — парадная комната, которая достраивалась в противоположную сторону от жилой. Как правило, для таких хат зафиксировано было следующее распределение функций: ритуально-репрезентативные выполняла *передняя хата*, *горница* (ближняя к улице); хозяйственно-бытовые — *сенцы* и жилые — *задняя* или *малая хата*.

Специфический вариант трехкамерного жилища был зафиксирован в с. Татарица (Болгария). Возможно, раньше он был распространен и в других липованских поселениях. В этом варианте сени объединены с комнатами одной крышей, но, вместе с тем, потолочное перекрытие, а также фасадная стена перед сенями отсутствуют («открытые сени»). Такой тип бытовал также среди некрассовцев и на Дону. Такая композиция была характерна для сеней славянского жилища XVII—XVIII вв. Вместе с тем, она сохранялась в локально-региональных вариантах вплоть до XIX — начала XX вв. (в частности, среди болгар и гагаузов Добруджи). Совпадение донского строительного опыта с местным определило, очевидно, бытование этого типа планировки среди липован.

Не позднее конца XIX в. у липованского население Нижнего Дуная получает распространение типичный четырехкамерный тип жилого дома: *передняя хата + сенцы + кухня через сенцы + задняя хата*. Сени перегораживаются поперек стеной, и выделяется *кухня через сенцы*. В таком случае сени выполняли функцию прихожей, куда выходили двери трех других помещений, а также — входная дверь. А в кухню переносили плиты и устье печей и груб.

Менее распространенным видом четырехкамерного жилища липован являлся следующий: *передняя хата + сенцы + задняя хата + кухня*. Он сформировался из двухкамерной планировки путем дублирования его по продольной оси дома. Чаще всего, это был результат объединения под одной крышей хаты и кухни. В качестве локального был зафиксирован такой вариант: *передняя*

Типичный липованский дом конца XIX — начала XX в., с. Мирное (Карячка) Килийского р-на Одесской обл., 1999 г. Внешний вид (А) и план (Б): 1 — сенцы; 2 — малая хата; 3 — передняя хата; 4 — кухня через сенцы. Рис. автора

хата + сенцы + задняя хата + задние сенцы + кухня (камора, магазеза, будка). Последнее помещение выполняло складские функции.

Для интерьера парадной и жилой комнат характерна симметричность. Элементы обстановки в них отличались лишь качеством: в парадную стремились поставить более новые и «престижные» вещи. В ней семья собиралась лишь на важные события в жизни (*Родины, Крезьбины, Свадьба, Похороны, Рождество, Пасха* и т. д.). В парадной комнате принимали единоверцев. Оформление этого помещения создавало впечатление о данной семье и ее благосостоянии.

Рядом с входом в парадной комнате ставили грубу, сундук с приданым или комод. На восток или на юг, по диагонали от грубы — *божничка* («...стремились на юг, на двери же покласть нельзя <крестное знамение>» (Зап. от Агафьи Ивановны Федосеевой, 1930 г. р., с. Казашко [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 1])). Образа устанавливались на полках — на гвоздях их вешать считали за грех («... дык, Исуса гвоздями распяли» (Зап. от Марии Ивановны Петуховой, русской, 1933 г. р., с. Мирное [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 3])). В отличие от представителей других этнических групп в регионе у липован *божничку* украшали не полотенцами, а венками из трав. Особым уважением пользовались верба («*Разлада в дому не будет*», — не раз отмечали липованки) и «*бусилёк*» (busilik — занимает значительное мес-

то в обрядности и поверьях липован). С начала XX в. распространяется обычай украшать образа, окна и дверь материей, на которой в технике ришелье выбивался геометрически-растительный орнамент. В то же время иконы начинают ставить на специальные треугольные столики (*треугольник*). Тогда же возникает специфический элемент мебели — треугольный в плане шкаф-иконостас.

Кроме икон в *божничке* обязательно находились лампадка («кормить икону» у липован Болгарии — подливать масло (*Олею у лампдик*)), кожаные четки (*лествица*) и матерчатый коврик для молитв (*подрушник*, *подручник*). Именно этот элемент интерьера несет наибольшую специфичность. Но даже в этом «канонически» строгом комплексе можно встретить инновации: присутствие телевизора в этом углу или на занавеске перед иконами прикрепленные *мартинички*, *мартишорки* (красно-белые ленточки, обереги).

Вдоль фасадной и боковой стен шли *лавки* или *каначки*, стол. Комад и кровать, купленные или сделанные мастерами-плотниками, ставили к тыльной стене.

В жилой комнате значительную часть занимала варистая русская печь, устьем (*устя*) развернутая к фасадной стене. В одном из сел (Мирное, Украина) был зафиксирован и юго-западный вариант — печь в дальнем от входа углу, устьем к двери. Печь состояла из *свиньи*, *лежанки*, *припечка* и *дымаря* (*комин*, в с. Приморском сборник дыма имел отдельное название — *будячок*). Иногда для *комина* использовали тюркское по происхождению название — *баджак*.

Дым от плиты (*гарнушка*), на которой готовили и разогревали пищу, выводился в общий с печью дымоход. Рядом с печью — *кочерга*, *ухват*, *сковородник*, *лопата* для хлеба. За печью находился деревянный топчан (*козлы*) с соломенным матрасом. В остальном интерьер жилой комнаты повторял интерьер парадной.

Строительные обряды и обычаи

До сих пор речь шла, прежде всего, о жилище как материальном объекте. Но благодаря тому месту, которое занимает дом в жизни людей, он выступает и как своеобразная мировоззренческая мо-

дель. Она соответствует комплексу космологических, социальных, эстетических представлений. Эти представления о порядке мироустройства воплощаются в организации жилого пространства.

Такое понимание определило наш интерес к ритуально-обрядовым аспектам создания жилища. А его функционирование в повседневной и праздничной среде тесно связано с комплексом семейной и календарной обрядности, которые, безусловно, заслуживают особого внимания. Приведем существующие среди липован обряды и обычаи, которые сопровождают строительство и освоение жилых построек.

Строительная обрядность. Начало строительства (*закладчины*, *кладка*). Как и любые первые действия в традиционной культуре, начало постройки дома у липован наполняется магически-ритуальным смыслом.

«Почнуть строить, какой праздник — не строить. Воскресенье придёт — не строить. Дед Митя Чубан поглядит на месяц и говорил, какой месяц будет» (Зап. 10.09.2000 г. от Семена Александровича Каракудова, 1920 г. р., русского, с. Татарица. Собственный дом строил в 1952—1955 гг. [ЛИАЭСУ, ф. 6, д. 2]).

«Хозяин, после того как перекрестился, клал в первый чамур деньги, чтобы водились в новом дому, а мастер делал из акации липованский восьмиконечный крест и устанавливал его к искуплению, в красный угол, чтобы хата с Богом строилась» (Зап. 14.07.1996 г. от Мартина Никитовича Вехова, 1915 г. р., русского, с. Муравлёвка. Строил свой дом в 1956—1958 гг. [ЛИАЭСУ, ф. 3, д. 2]).

«Хозяин, после того как перекрестился, по четырем углам клал копейки в вальки. Родственники и соседи помогли ему фундамент сделать, а после садились за стол в будущей хате обедать. Заходить можно лишь там, где двери должны быть. На сохе в восточном углу крепили деревянный липованский крест, а к нему венок из цветов и полотенце вешали, чтобы голым не был» (Зап. 28.06.1997 г. от Федота Харитоновича Васильева, 1910 г. р., русского, с. Приморское. Строил свой дом в 1938—1940 гг. [ЛИАЭСУ, ф. 3, д. 1]).

«На закладчину приглашали родственников, соседей. Хозяин с хозяйкой молились-крестились, брали по вальку и клали их вместе в будущий покуть. Потом на эти вальки устанавливали дере-

Обед на закладке жилого дома, с. Новая Некрасовка Измаильского р-на Одесской обл., 1960 г. Из семейного фотоальбома

вянный восьмиконечный крест, который обсыпали деньгами и пшеницей, чтобы водились в доме. Приглашенные устанавливали в этот угол посуду, обязательно полную. Хозяин к кресту вязал матерью. Если стены поднимали, то этот крестик тоже переносили. Во время работы хозяйка угощала завтраком, обедом-вечерей, на котором хозяин благодарил все: «Спасы Христос, что пришли, помогли. Надо будет — еще позовем». После этого все пели «Благодать Святого Духа» (Зап. 15.07.1999 г. от Марии Ивановны Петуховой, 1933 г. р., русской, с. Мирное. Строила свой дом в 1962—1965 гг. [ЛАНЭСУ, ф. 3, д. 3]). В этом же селе указали еще на существование обычая поливать вином установленный крест.

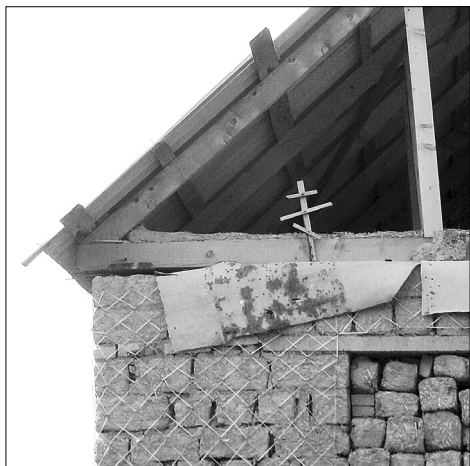
Когда на начало строительства приглашали священника, то он читал очистительные молитвы, а также обязательно «Молитву на основание здания».

Указанные обрядовые действия начала строительства имеют четкие профессиональные черты (молитвы, священник и т. д.). Вместе с тем, отдельные элементы (закладка денег и зерна, поливание вином, полная посуда в качестве подарков и т. п.) представляют собой современные реплики из древнеславян-

ской ритуальной практики. Такое «заклятие благополучия» — явный реликт дохристианских магических представлений. Установление креста (старообрядческого символа) заменило собой высаживание дерева, принятое некогда у русских.

Обычай во время строительства. Среди липован до настоящего времени сохраняется обычай бесплатной помощи во время возведения стен из вальков или сырцевого кирпича, перекрытие потолка, обмазки стен и т. п. (*клака, толока, помочь, помощь, на чамур, на потолок*). Этот элемент общественного быта, безусловно, является пережитком архаической практики. Он бытовал у народов Восточной и Южной Европы не только в строительстве, но и в других видах работ [Попович 1972, 37—44; Кръстанова 1986]. Тем не менее, в регионе в первой половине XX в. он сохранялся, прежде всего, как строительная операция.

Ритуальное значение отошло на второй план, остается социальная солидарность. «Отраблять надо, как на кирпичиль на горищу ходють. Те до нас, а мы — до них. Так миром и строят хати людям» (Зап. 14.07.2003 г. от Веденя Елиферовича Кузьмина, 1935 г. р., и Ивана

Крест на стропилах строящегося липованского дома, с. Старая Некрасовка Измаильского р-на Одесской обл. Украины, 2005 г. Фото автора

Ивановича Лапшина, 1934 г. р., русских, с. Новая Некрасовка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 6]).

Было записано интересное объяснение возможности работать в воскресенье: «Труд — это тоже молитва, не особый грех» (Зап. 04.07.1997 г. от Клима Зиновеевича¹ Наумова, 1924 г. р., русского, с. Мирное [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 3]).

Некоторые из элементов этого обычая — работа по выходным дням, четкое распределение мужской и женской работы, обязательное «благословение» участниками будущей жизни в доме, «одаривание» их хозяевами (угощение) — позволяют предположить, что на более ранних этапах присутствовала более сложная ритуальная структура. Эти моменты по смыслу и форме очень близки к обрядам начала строительства. Как и любое ритуальное действие, данный обычай характеризуется четкой определенностью времени и последовательностью операций.

Технологическая и производственная необходимость обуславливает сохранение коллективных форм взаимопомощи. Вместе с тем, она же способствует процессу вытеснения обрядовых компонентов. Одной из устойчивых иррациональных функций подобных общественных работ является «санк-

¹ Здесь и далее написание приведено в соответствии с гражданским паспортом информанта. Перед нами интересный пример сохранения народной «орфографии» в официальных документах.

ционирование» строительства обществом, которое происходит не только в процессе оказания непосредственной физической помощи, но и фиксируется самим фактом присутствия представителей территориальной общины.

Обычаи и обряды на заключительных этапах строительства. Окончательная материализация мировоззренческой модели в определенном жилище связана с этапами перекрытия потолком и крышей. Ритуальная значимость этих этапов подчеркивается широко бытующим представлением: «Хате нельзя было зимовать непокрытой». Такое отношение к этим действиям было связано, по мысли А. К. Байбурина, с «необходимостью осознания завершения, ограниченности (как оси упорядоченности Вселенной), которое находится в основе представлений о чердачной границе...» [Байбурин 1983, 88].

Согласно обычаю липован на Дунае «как устанавливают матицу хозяева — под него зерно клали, а после завершения — обязательно стол для присутствующих накрывали» (Зап. от Агафьи Ануфреевны Швыдкой, 1926 г. р., русской, с. Муравлёвка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 2]). Такие же обычаи, под названиями «*потолочины*» или «*на потолок*», были зафиксированы и в других поселениях липован. Иногда старожилы уточняли, что к матице крепили крест, который делали еще на кладке, а приглашенные (родственники и соседи) обязательно приходили с подарками (материя, птица, деньги, посуда с вином или зерном). На крест крепили изделия из ткани (рубашку, полотенце, платок и т. п.), цветы, бутылки с вином. Ткань забирали себе мастера, первыми поднявшиеся «на потолок». Вино должны были обязательно распить с хозяевами, сопровождая «*магарыч*» пожеланиями благосостояния и счастья дому и его хозяевам. А вот крест с цветами оставляли «дому», прибывая его на переднюю пару стропил или деревянный фронто́н.

Следует отметить, что целый ряд элементов *потолочин* у липован вошел в состав обрядовых действий перекрытия крыши. Близкие по своей семантической направленности эти два отдельных комплекса постепенно объединились в ритуальной практике региона. Приведем пример, в котором можно проследить такое двойное положение. «*На потолок*

хазяева устанавливали деревянный крест к матице и привязывали к нему полотенце или рубашку с деньгами. Приглашенные приносили тоже материал и чипляли и к кресту. Хазяева молились: «Дай Бог нам закончить», — и начинают работу. После же того, как дом укроют, мастер распивал с хазяином магарыч, оставлял крест на чердаке, а материал с деньгами брал себе» (Зап. 09.07.2002 г. от Фатиньи Антоновны Кирсановой, 1918 г. р., русской, с. Муравлёвка. Строила свой дом в 1949—1952 гг. [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 2]).

Затем были ритуальные действия, которые сопровождали окончание перекрытия крыши. Технологическая сложность и ответственность обусловили приглашение для выполнения этих работ специалистов. Наличие мастера как отдельного обрядового субъекта ведет к утрате сугубо этнических черт. Обрядовое действие в исполнении профессионала, хотя и содержит некоторые архаические мотивы, получает более универсальную форму, несмотря на сохранение отдельных этнических и локальных элементов.

В начале перекрытия, когда уже установлена деревянная конструкция крыши (кроквы), на переднюю к улице пару стропил мастер устанавливал деревянный крест. Следует подчеркнуть, что он имел восьмиконечную форму (именно ей отличались липованские обычаи от аналогичных у соседних народов; причем даже, если приглашенные мастера не принадлежали к староверию).

Народных объяснений этого обычая зафиксировано много. Например: «Крест — дар дому» (Зап. 17.07.2003 г. от Прасковьи Радионовны Чигиной, 1930 г. р., русской, с. Старая Некрасовка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 4]); «Его ставили, чтобы процесс перекрытия крыши прошел удачно: не было несчастных случаев и дождя» (Зап. 10.08.2003 г. от Максима Викулевича Мурова, 1925 г. р., русского, с. Журиловка [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 2]); «...чтобы видели, что дом христиане строят» (Зап. 09.07.2002 г. от Фатиньи Антоновны Кирсановой, 1918 г. р., русской, с. Муравлёвка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 2]); «Если крест не сделаешь, то черт будет помогать в этой хате» (Зап. 16.07.1996 г. от Ивана Петровича Гусякова, 1910 г. р., русского, с. Старая Некрасовка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 4]).

После установки креста хозяин (в некоторых случаях — мастер) привязывал к такому кресту зеленую ветвь или цветы (базилик), рубашку или полотенце, платок и, иногда — бутылку вина или водки. Изредка в материал завязывали железные деньги.

Крест оставляли наверху до тех пор, пока не покроют дом. В конце работы мастер должен был снять крест с веткой и прикрепить их к передней паре стропил или к фронтому на чердаке. Остальное он забирал и распределял между членами своей бригады. Потом мастер с хозяином пили магарыч: хозяин угощал вином, благодарил за работу и платил деньги, а мастера благословляли дом и будущую жизнь в нем.

Своеобразным вариантом этого являются установления такого креста еще во время закладки с дальнейшим переносом его на крышу.

«Если стропила уже установленные, то мастера на бантин [коньковая балка — А. П.] деревянный крест переносили. К нему хазяин материал и васильки вязал, чтобы голым не был. А как укрыли уже дом, то материал мастер забирал, а крест так и оставляли» (Зап. 12.07.2002 г. от Зиновей Антоновны Загорской, 1925 г. р., русской, с. Муравлёвка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 2]).

«На стропила первые восточные кресты делали деревянный крест с платком или другим материалом с зеленой веткой или цветком. Если перекрывали дом, то материал этот хозяйка себе забирала» (Зап. 24.06.1997 г. от Федота Харитоновича Васильева, 1910 г. р., русского, с. Приморское [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 1]).

«Новую строятся. Ставят крест, рубашки, рушники. Тогда кричит один майстер: «Несите магарыч, рушники»» (Зап. 09.09.2001 г. от Анны Попеевны Зиновеевой (Потаповой), 1918 г. р., русской, с. Татарница [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 2]).

Иногда старожилы указывали на элемент соревнования. Крест передавали тому, кто первым залезет на потолок. Он забирал себе рубашку, а крест «дарил» зданию.

Начиная с 1960-х гг. данное обрядовое действие постепенно упрощается и теряет некогда яркий ритуально-магический смысл. В некоторых случаях исчезает зеленая ветвь, не сохраняется традиция в формулах благодарности и благословения во время магарыча.

Ритуальное освоение нового сооружения. Обряды перехода в новый дом сохранялись лишь в некоторых из обследованных сел. В других они вошли как составные части в освящение или новоселье.

У липован Нижнего Придунавья считалось, что дом до того, как будет сделан *переход*, является «нечистым». «До того, как образ не перенесли, в доме от голоса звенит, что не хорошо» (Зап. 10.06.2004 г. от Матрены Осиповны Глущенко, 1934 г. р., русской, с. Приморское [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 1]). «Старший из родственников хозяина мужского пола или непосредственно его крестный отец шел в новую хату со старой иконой и рушником, чтобы хата с Богом была» (Зап. 15.07.2003 г. от Прасковьи Радионовны Загонтовой, 1930 г. р., русской, с. Старая Некрасовка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 4]).

«Когда уже построится, родня уся сойдётся. Кличут попа, чтоб посвятил хату и навколо её. Святил, тогда делают обед, курбан (как болгары говорят). Мать дает невесте икону» (Зап. 10.09.2001 г. от Карпа Степановича Дементьева, 1934 г. р., русского, с. Татарца [ЛАЭСУ, ф. 6, д. 2]).

Освящение дома (посвящение, освящение). Эта традиция более позднего происхождения и связана со своеобразным компромиссом между церковным и народным уровнем обрядовой практики. В генетическом плане ее следует рассматривать после мирской коллективной праздничной трапезы. Но в исследованных селах в течение XX в. освящение проводилось перед этой трапезой, поэтому мы рассматриваем обычаи в таком порядке.

Освящение проводили чаще всего осенью в выходной день. Для выполнения этого обряда приглашали священника, который должен был прочитать молитву (поминальный молебен умершим членам семьи и «Молитву зданию») в каждой комнате (вариант — только в парадной), нарисовать маслом или выпалить свечкой крестики в четырех углах (стенах). Иногда, как свидетельствовали старожилы, лишь в одном восточном углу или на матице. В основание или посреди этих крестиков забивали гвозди или осиновые колышки, на которые крепили свечи. После этого священник должен был обойти с кадилом и *бузаликом/базиликом* весь двор

и хозяйственные постройки и окропить их святой водой. Потом священника обязательно кормили и одаривали. Дары состояли из уже знакомых нам вещей: полотенца, хлеба и курицы.

«Светит батюшка перед хатой васьилками с водой. Читает перед порогом молитву, заводит хазяев в хату и внутри едет по солнцу (против солнца он не пойдет, нельзя). У любой комнате, на будущей божничке, крестики рисует» (Зап. 14.07.1996 г. от Вавилы Андреевича Тимофеева, 1912 г. р., русского, с. Муравлёвка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 2]).

Коллективная праздничная трапеза (новоселье). Среди русского населения существовал обычай дарить хозяевам на новоселье полотенно, хлеб, деньги и живность, «штоб хата не была пустой». Кроме того, у липован на Дунае был зафиксирован своеобразный обычай, согласно которому хозяева на новоселье одаривали материалом тех, кто принимал участие в начале строительства (с. Приморское).

Без сомнения, можно говорить о том, что коллективная трапеза у липован сливается в обрядовой практике с освящением.

«Гости приходили к новой хате с обязательно полной посудой, материалом. В нову хату — без подарка нельзя. Ее одаривали трижды — на Закладчину, на Потолочины и на Посвящение» (Зап. 4.07.1997 г. от Клина Зиновеевича Наумова, 1924 г. р., русского, с. Мирное [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 3]).

Генетически близким является обычай, который бытовал в большинстве липованских сел: «если копали колодец, то на окончание работ приходили родственники и соседи с рубашками, полотенцами, платками — этим они повязывали хозяина или мастера» (Зап. 14.07.1996 г. от Вавилы Андреевича Тимофеева, 1912 г. р., русского, с. Муравлёвка [ЛАЭСУ, ф. 3, д. 2]).

Безусловно, в данных обрядовых комплексах сохраняется архаическая основа. Целый ряд сюжетов можно считать пережитками жертвоприношения (кровавых — животного, предметных, денежных). Можно проследить также присутствие признаков мировоззренческого архетипа — так называемого «мирового дерева». Показательно, что у липован сакральные семантические позиции почти всегда маркирует восьми-

конечный крест. Ритуальный комплекс складывается в процессе окультуривания природного пространства — отчуждения его от мира природы (Хаоса) и перемещения в мир человека (Логоса). Моделирование жилого пространства на уровне знаков прослеживается от начала строительства до последних технологических операций. Затем жилое пространство «проверяется» участниками обрядовых действий на соответствие прототипу и наделяется нужными качествами.

Строительные обряды и обычаи липован во многом повторяют аналогичные им у соседних этнокультурных групп Бессарабии и Добруджи. Их особенность в сравнении с ритуалами соседей проявляется, прежде всего, в присутствии на всех этапах христианской атрибутике и священника. Кроме того, в сравнении с русскими традициями метрополии, мы видим особый регионально-конфессиональный вариант.

* * *

Таким образом, обобщение материалов по историко-культурной характеристике жилища старообрядцев (липован) Придунавья позволяет констатировать следующее.

В основе строительного опыта липован находились практики из разных историко-этнографических районов России. Интеграция этих традиций проходила почти столетие. Значительное влияние имели также традиции соседнего населения и урбанизационные процессы. Особенно активно внешние факторы начали действовать с начала XX в. Этими факторами можно объяснить многообразие отдельных черт и элементов на локальном уровне отдельных анклавов. Жилище липован региона в целом можно охарактеризовать как элемент материальной культуры, в основе которого находится этническая и религиозная специфика восприятия мира.

Литература

Абрамова 1988 — *Абрамова Т.* Бытовая культура казаков-некрасовцев конца XIX — начала XX в. (По материалам этнографической экспедиции Ростовского областного музея краеведения 1984 г.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 5. С. 74—80.

Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и верованиях восточных славян. Л., 1983.

Бахталовский 1882 — *Бахталовский Г. П.* Посад Вилков // Кишиневские епархиальные ведомости. 1882. № 20. С. 1122—1135.

Ганцкая 1967 — *Ганцкая О. А.* Строительная техника русских крестьян // Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 172—195.

Ганцкая, Лебедева, Парникова 1960 — *Ганцкая О. А., Лебедева Н. К., Парникова А. С.* Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.) // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 57. М., 1960. С. 172—286.

Ганцкая, Лебедева, Чижикова 1960 — *Ганцкая О. А., Лебедева Н. К., Чижикова Л. Н.* Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX — начале XX в.) // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 57. М., 1960. С. 5—71.

Грябан, Чучко 2008 — *Грябан В. В., Чучко М. К.* Традиционное жилище буковинских липован в исследованиях австрийского архитектора К. А. Ромшторфера (1854—1916) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Одесса, 2008. Вып. 5. С. 171—173.

Даль 1981 — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2.

Добруджа 1974 — *Добруджа: этнографски, фолклорни и езикови проучвания.* София, 1974. С. 255—257.

Златковская 1976 — *Златковская Т. Д.* Элементы фракийской культуры в традиционном изобразительном искусстве и фольклоре молдаван // Советская этнография. 1976. № 4. С. 25—40.

Космина 1994 — *Космина Т. В.* Етнічна виразність народного житла // Поділля: історико-етнографічне дослідження. Київ, 1994. С. 236—243.

Кръстанова 1986 — *Кръстанова К.* Традиция на трудова взаимпомощ в българското село. София, 1986.

Кушнир 2002 — *Кушнір В.* Українці за Дунаєм. Одеса, 2002.

Липинская 1998 — *Липинская В. А.* Культурно-бытовые традиции русских-липован в Румынии // Русские в современном мире. М., 1998. С. 283—330.

Наулко 1975 — *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975.

Попович 1972 — *Попович Ю. В.* Из истории молдавской клаки // Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972. С. 37—44.

Пригарин 1997 — *Пригарин О. А.* Традиційне житло етноконфесійних груп росіян Нижнього Подунав'я XIX—XX ст. // Записки історичного факультету ОДУ. Вип. 5. Одеса, 1997. С. 36—43.

Пригарин 1997а — *Пригарин О. А.* Традиційне житло українців Буджаку XIX—XX ст.

(за матеріалами експедицій ОДУ) // Національні та етносоціальні процеси в Україні: матеріали другої всеукраїнської науково-практичної конференції молодих науковців. Чернівці, 1997. С. 93—98.

Пригарин 1998 — *Пригарин О. А.* Етнічна виразність житла слов'янського населення Південно-Західної України (XIX - XX ст.). Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук. Одеса: Друк, 1998.

Пригарин 2000 — *Пригарин О. А.* Житло в обрядовості липован Подунав'я: будівельні та новосільні звичаї // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. Вип. 9. Ізмаїл, 2000. С. 31—33.

Романска 1960 — *Романска Цв.* Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско и на русите-некрасовци, които го населяват // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София, 1960. С. 563—589.

Свиньин 1867 — *Свиньин П.* Описание Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. 6. С. 175—320.

Словарь говоров 2001 — Словарь русских говоров Одесщины / под ред. Ю. А. Карпенко: в 2 т. Одесса, 2001.

Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* Дерево мировое // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 398—406.

Традиционное жилище 1997 — Традиционное жилище народов России: XIX — начало XX в. М., 1997.

Чижикова 1979 — *Чижикова Л. Н.* Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979. С. 12—74.

Чижикова 1979а — *Чижикова Л. Н.* Жилище русских // Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М., 1979. С. 11—82.

Dan 1894 — *Dan D.* Lipovenii din Bucovina // Poroarele Bucovinei. Fascicula III. Cernăuți, 1894.

Kaindl 1896 — *Kaindl R. F.* Das Entstehen und Entwicklung der Lipowanercolonien in der Bukowina. Wien, 1896.

Kaindl 1898 — *Kaindl R. F.* Geschichte der Bukovina. Czernowitz, 1898. P. 73—74.

Pârâu 2001 — *Pârâu S.* Lumina și culuare în amenajarea estetica a spațiului țărănesc tradițional de locuit la romani. Galați: Editura Fundației Universitare «Dunarea de Jos», 2001.

Polek 1899 — *Polek D. J.* Die Lippowaner in der Bukowina. III. Sitten und Gebräuche. Czernowitz, 1899.

Siminowicz-Staufe 1884 — *Siminowicz-Staufe L. A.* Die Völkergruppen der Bukowina. Etnograrhisch-culturhistorische Skizzen. Czernowitz, 1884. 4. Die Lippowaner. P. 91—105.

Сокращения

ИА — Коммунальное предприятие «Измаильский архив».

Ю. Н. ФЕДЕНОК
(Москва)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ПРОСТРАНСТВА ДОМА В ЛОКАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ

(на примере болгар села Криничное
Республики Украина
и татар поселка Октябрьский
Челябинской области)

Структурирование пространства является одной из универсалий человеческого поведения. Само понятие структурирования пространства используется в разных науках (см., например, [Гамзатова 1996; Максимова 2005; Чернов 2005; Чернявский 2003]), однако это понятие несколько по-иному используется для анализа интересующих исследователя феноменов и для аргументации теоретических положений.

Во всех культурах существуют этикетные нормы, регламентирующие размещение индивидов в пространстве жилого помещения. Эти нормы могут значительно различаться в разных культурах в зависимости от ранга, статуса и пола взаимодействующих индивидов [Лич 2001]. Потребность в поддержании определенной дистанции и этикетные нормы структурирования пространства отчетливо проявляются в характере традиционного жилища, его размерах и внутренней структуре. Известный исследователь структуры пространства человека Дж. Фаст отметил, что размещение членов семьи за столом отражает характер внутрисемейных отношений, а нормы совместного проживания, определяющие место каждого члена семьи в пределах дома, отражают культурную специфику семьи [Фаст 1997].

Структурирование пространства дома компактной этнической группы, проживающей в иноэтничном окружении, изменяется по сравнению с национальным массивом, от которого она откололась. Структурирование пространства дома такой этнической группы включает в себя как нормы, принесенные с исторической родины, так и «возникшие под влиянием местных географических, исторических